

А. Б. Постников

Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского 1477 г. и его вновь открытый список 1732 г.

Резюме. С 2008 г. автором этих строк проводилась работа по выявлению и научному описанию наличного состава документов XVI–XVIII вв. в собрании Древлехранилища Псковского музея. Результатом ее стало издание полного обозрения старинных актовых материалов этого архива (*Постников, 2013*). В составе Обозрения были описаны две грамоты XVII в., относившиеся к вотчинному архиву Елеазарова монастыря. Кроме того, при исследовании рукописных фондов Древлехранилища были открыты и новые списки 1732 г. с прежде неизвестных псковских харатейных грамот XV в., также происходивших из этой обители. При проведении архивных изысканий в составе переплета рукописи из фонда Псковской духовной консистории была обнаружена тетрадь на восьми листах, содержащая списки с 21 харатейной грамоты. Это полные документы и их фрагменты. Все они некогда находились в архиве Трехсвятительского монастыря, о чем свидетельствует надпись в начале этой тетради: «Копии с харатейных крепостей Елеозарова м(о)н(а)ст(ы)ря». Один из вновь открытых документов уже был опубликован автором в статье «Харатейные грамоты Елеазарова монастыря – новый источник для изучения древнепсковской письменности» (*Постников, 2017. Ч. 1. С. 273–287*). Там же было рассказано об истории происхождения копийной тетради, приведено ее палеографическое описание. Остальные документы также готовятся к печати в составе монографической работы.

В настоящей статье предлагается вниманию опыт изучения еще одного акта из числа документов, обнаруженных в составе Копийной тетради Трехсвятительской обители. Это грамота № 19 по порядку следования в сборнике. Она представляет собой уже известный в историографии памятник письменности – Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского. Однако до сих пор его текст был знаком историкам и филологам по публикации И. Я. Бердникова, осуществленной в 1836 г. Впоследствии подлинная харатейная грамота была утрачена. Ее вновь найденный список 1732 г. является в настоящее время древнейшим из известных. Кроме того, список отличается некоторыми особенностями, что побуждает к его отдельному археографическому исследованию, поскольку это редкий документ эпохи Псковского вечаевого государства, имеющий самостоятельное историческое значение. В статье прослеживается судьба подлинной харатейной грамоты и четырех ее списков, предлагается новая версия для уточнения хронологии написания завеща-

ния в январе 1477 г. Впервые по оригинальным рукописям публикуются буквальные тексты двух списков грамоты, составленных в 1732 и 1800 гг. Они сравниваются с текстами других списков, известных по изданиям 1836 и 1906 гг.

Ключевые слова: харатейная грамота, духовное завещание Евфросина Псковского, Елеазаров монастырь, список, рукопись, Древлехранилище Псковского музея.

A. B. Postnikov. The spiritual testament of St. Euphrosyne of Pskov (1477) and his newly discovered script (1732)

Abstract. Since 2008, the author of these lines has been working to identify and scientifically describe the available composition of documents of the 16th–18th centuries in the collection of the Pskov Museum's Ancient Repository. The result of it was the publication of a complete review of the ancient assembly materials of this archive. As part of the Review, two letters of the 17th century were described. They belonged to the patrimonial archive of the Eleazar monastery. In addition, during the study of the manuscript funds of the Ancient Repository, new scripts were discovered with previously unknown Pskov charate letters of the 15th century, also originating from this monastery and dating back to 1732. During the archival research, as part of the binding of the manuscript from the fund of the Pskov Spiritual Consistory, an eight-sheet notebook containing lists with 21 parchment letters was found. Those are complete documents and their fragments. All of them were once in the archive of the Three-Holy Monastery, as evidenced by the inscription at the beginning of this notebook: "Copies from the parchment letters of Eleazarov monastery." One of newly discovered documents has already been published by the author in the article "Parchment letters of the Eleazar Monastery – a new source for the study of the Ancient Pskov script". History of origin of the copy notebook was also discussed, its paleographic description was given. The remaining documents are also being prepared for printing as part of a monographic work.

This article presents the experience of studying another act from among the documents found in the Copy Book of the Three-Holy Monastery. This is act No. 19 in the order of the document's collection. It is already a well-known monument of writing in historiography – the Spiritual Testament of St. Euphrosyne of Pskov. However, until now, its text was familiar to historians and philologists from the publication of I. Ya. Berednikov (1836). Subsequently, the original parchment charter was lost. Its newly found script of 1732 it is currently the oldest known. In addition, the script differs in some features, which prompts its separate archaeographic study, since it is a rare document of the Pskov Veche state era, which has an independent historical significance. The article traces fate of the original parchment charter and its four scripts, a new version is proposed to clarify the chronology of the writing of the will in January 1477. For the first time, according to the original manuscripts, the literal texts of two lists of letters, compiled in 1732 and 1800, are published. They are compared to the texts of other scripts known from the editions of 1836 and 1906.

Keywords: parchment charter, spiritual testament of Euphrosyne of Pskov, Eleazar Monastery, script, manuscript, Ancient repository of the Pskov Museum.

История издания и исследования текста духовной грамоты Евфросина

Святой преподобный Евфросин (ок. 1386 г. – 1481 г.) был основателем псковского пустынножителства, он прославился суровым подвижничеством и духовными писаниями, а также как защитник сугубой аллилуйи и творец первого известного на Руси сохранившегося общежительного монастырского Устава (*Серебрянский*, 2013. С. 218–273).

Собственное рукописание древнерусского подвижника – один из редчайших памятников письменности Средневековой Руси. Подлинная харатейная грамота с духовным завещанием Евфросина сберегалась в Елезаровском монастыре более 400 лет. Примечательно, что духовное завещание святого Евфросина – это единственный документ среди харатейных грамот Елезарова монастыря, который был сохранен в самой обители от изъятия и уничтожения после вотчинной тяжбы 1732 г. и секуляризации 1764 г. Его удалось удержать внутри обители лишь потому, что это было прижизненное творение самого преподобного. Харатейную грамоту как реликвию содержали сначала в монастырском архиве и библиотеке, а потом при гробнице святого Евфросина до конца XIX в., но затем она оказалась похищена и бесследно пропала. Так что уже в начале XX в. о ней вспоминали в прошедшем времени.

До сих пор текст завещания был знаком исследователям по двум позднейшим спискам, которые были опубликованы в 1836 и 1906 гг. Оттого вновь обнаруженный нами список 1732 г. с духовного завещания Евфросина является в настоящее время древнейшим из известных. Хотя его физическое состояние довольно ветхое, с многочисленными утратами основы с фрагментами текста, но эти недостатки могут быть восполнены благодаря сличению с другими дошедшими до нас списками.

Кроме того, в настоящей работе к исследованию впервые привлекается еще один сохранившийся псковский рукописный список 1800 г., который сам по себе еще не являлся предметом особого изучения.

Первым исследователем, обратившим внимание на «Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского», был архиепископ Псковский Евгений (Болховитинов). С февраля 1816 г. до января 1822 г. он возглавлял Псковскую епархию и здесь изучал местные древности, обращаясь к монастырским архивам и библиотекам. В период своего служения на местной кафедре он продолжал свои занятия по сбору исторических сведений о местных святынях и древностях, составлял первые описания ряда действующих монастырей и готовил материалы для «Истории княжества Псковского». Кроме того, в 1818 г. преосвященный Евгений подготовил к изданию составленный им «Словарь исторический о бывших в России писателях духовнаго чина Грекороссийския церкви». В нем среди биографий русских книжников была помещена статья о преподобном Евфросине Псковском. Там сообщается, что сей подвижник «оставил для братии своей *Завещание* и довольно изрядный в 25 главах *общезительный устав*. Первое уцелело до ныне подлинником и писано на пергамене полууставом, с приложением в засвидетельствование свинцовой печати Новгородскаго Архиепископа Феофила, в Епархии коего состоял тогда Псков. Печать сия, величиною в грошевик, привешена на зеленом не сученаго шелку снурке, имеет с одной стороны изображение Святыя Троицы в виде трех Ангелов за столом, а на обороте строчная подпись *Феофиль Архиеписъ Великаго Новагорода и Пскова*» ([Евгений (Болховитинов)], 1818. С. 173–174).

Позднее, уже в качестве митрополита Киевского и Галицкого, Евгений (Болховитинов) издал в 1831 г. «Историю княжества Псковского», в третьей части которой содержится «история псковской церковной иерархии». Там

в кратком описании «Елизарьева Трехсвятительского» монастыря также упоминается духовное завещание Евфросина с уточнением о его местонахождении. «В Монастырской библиотеке донныне сохраняется и подлинное Духовное Завещание Преподобного Евфросина, писанное на пергамене с свинцовою печатью Новгородского Архиепископа Феофила» (*Евгений (Болховитинов)*, 1831. С. 98). Таким образом выясняется, что первоначальным местом хранения грамоты была книжница обители, по-видимому, совмещенная с архивом.

Впоследствии к этому письменному памятнику обратился профессиональный археограф и источниковед Яков Иванович Бередников (1793–1854) (*Плетнев*, 1854). В 1830–1834 гг. он участвовал в Археографической экспедиции П. М. Строева, обследуя библиотеки и архивы целого ряда русских монастырей, в том числе тех, что действовали тогда на территории Псковской губернии. Находясь в Спасо-Елеазаровом монастыре, Я. И. Бередников сделал рукописную копию с хранившейся там подлинной харатейной грамоты с духовным завещанием святого Евфросина. Ему принадлежит заслуга первой публикации текста завещания в собрании «Актов... Археографической Экспедиции». Тем самым он ввел этот замечательный памятник в научный оборот. Подготавливая публикацию сего акта, он обозначил его дату указанием: «Прежде 1479» г. В конце текста им были сделаны некоторые палеографические уточнения относительно внешнего вида и формы документа, а также сведения о скреплявшей грамоту печати, которая послужила источником для датировки: «Подлинник писан уставом на пергамене. В конце, на зеленом шелковом шнурке, привешена печать средней величины с изображением на одной стороне Св. Троицы, а на другой надписи в кружке: Феофил Архиепископ Великого Новагорода и Пскова. – Хранится в Псковском Спасо-Елеазаровом монастыре». Однако никаких пояснений к содержанию публикуемых документов в издании ААЭ сделано не было, поскольку это не входило в задачу Комиссии (ААЭ, 1836. № 108. С. 83).

В середине XIX в. подлинное духовное завещание преподобного, писанное на харатье, уже находилось при его гробнице в Трехсвятительском храме. Вероятно, к тому времени монастырские власти осознали значимость грамоты как святыни и решили переместить ее из библиотеки внутрь храмового четверика на южную стену для поклонения богомольцев и назидания монашествующих. Профессор С.-Петербургской духовной Семинарии соборный иеромонах Иосиф в своем очерке, посвященном истории Елеазаровской обители, оставил описание грамоты на новом месте. «При гробнице преподобного Евфросина висит за стеклом в раме полулист бумаги, с надписью “копия с Завещания преподобного Евфросина”. Если вам позволят полюбопытствовать, то за этою копию увидите пергамент в осмушку, с привешенною к нему свинцовою печатью Архиепископа Новгородского Феофила. Вот это и есть подлинное “Завещание” преподобного Евфросина, которое вы можете смело поцеловать, как дорогой и даже священный предмет. Полууставное письмо сего “Завещания” не так разборчиво; но при помощи копии можете заметить главные мысли его следующие: “братии жить вместе и пользоваться имуществом изопча”, т. е. в общем хозяйстве; “Настоятелю Харлампию братия должна повиноваться во всем”; “Немецких одежд не носить монахам”; – видно украшения, распространившиеся тогда чрез немец-

ких купцов Ганзейских городов, составляли общий соблазн. Но о сугубой аллилуйи во всем “Завещании” нет ни слова <...>» (*Иосиф*, 1858. С. 12–13).

В марте 1860 г. в газете «Псковские губернские ведомости» появилась статья младшего чиновника особых поручений при псковском губернаторе Михаила Львовича Миротворцева о старинных актах Елеазарова монастыря. Статья имела археографическое значение, поскольку к ней прилагались тексты семи из девяти выявленных М. Л. Миротворцевым документов XVII века в составе копийной книги Елеазарова монастыря начала XVIII в. В предисловии к изданию автор упомянул о завещании Евфросина. Он сообщал: «Елеазаровские акты, замечательныя и по древности, и по некоторым особенностям содержания, как видно не были в руках у членов Археографической экспедиции, путешествовавших по разным краям России для обозрения монастырских и других библиотек и архивов с целию собиранія старинных актов. Из бумаг Елеазарова монастыря Археографическою Экспедицією напечатано только завещание Преподобнаго Евфросина, писанное во второй половине 15 века и хранящееся открыто в соборной монастырской церкви» (*Миротворцев*, 1860а. С. 273).

Тогда же в Памятной книжке Псковской губернии за 1860 г. М. Л. Миротворцев поместил очерк под названием «Спасо-Елеазаровский монастырь», где в общих чертах представил историю обители, обратив особенное внимание на сохранившиеся там рукописные документы. Отметив, что «мощи Преподобнаго Евфросина» покоятся «под спудом в правой стене» церкви, а «над ними издавна устроена гробница», автор указал, что здесь же находится и древняя духовная грамота святого, а затем описал ее внешние особенности и вкратце изложил содержание. «Против гробницы в рамке висит копия с завещания Евфросина и под копию хранится самое завещание, писанное полууставным церковным почерком на лоскуте пергамента в четвертку; внизу лоскутка на шелковом шнурке привешена свинцовая печать Новгородскаго Архиепископа Феофила, управлявшаго паствою до 1479 года; из этого видно, что завещание писано не позже, как за два года до кончины Преподобнаго. – В нем Евфросин, закрепляя за монастырем свое и монастырское имущество, наказывает игумену с братиею не корыстоваться собственностию обители, предписывает монахам иметь общее содержание, завещает, может быть по поводу истории с Кононом, чтобы иноки и миряне, пожертвовавшие что нибудь в обитель, не требовали назад своего приношения, сделаннаго Богу, предписывает монахам не носить немецких одежд и пушных шуб и в заключение приказывает служить сорокоусты по умершей братии и по мирянах, проживших два или три года в монастыре» (*Миротворцев*, 1860б. С. 39–40). Вдобавок М. Л. Миротворцев заметил: «из завещания Преподобнаго Евфросина видно, что в его время находились в монастыре две церкви; одна во имя трех Святителей и другая – Ануфрия и Петра Афонских» (Там же. С. 39).

В 1857–1883 гг. вышел в свет фундаментальный многотомный труд митрополита Макария (Булгакова) «История Русской Церкви», основанный как на опубликованных, так и на архивных источниках (*Макарий (Булгаков)*, 1857–1883, переиздание: 1994–1996). Повествуя об уставах монастырского общежития второй половины XV–XVI в., Макарий рассмотрел содержание

всех пяти уставов, дошедших до нашего времени. Каждый из них имел свои особенности. «Самый древний из этих уставов написан около половины XV в. преподобным Евфросином Псковским для основанной им обители, и написан не в форме кратких и сухих правил, а в форме обширного наставления, в котором старец от собственного лица обращается к своей братии и подтверждает или раскрывает излагаемые правила то текстами Священного Писания, то постановлениями Соборов, то изречениями святых отцов-подвижников» (Макарий (Булгаков), 1996. С. 240). Преосвященный автор предположил, что «по началу Евфросинова устава можно догадываться, что он написан преподобным вскоре после основания им обители, как только построена была в ней церковь» (Там же. С. 241). Этот Устав был исследован Макарием в подлиннике по списку из сборника XVII в., находившегося в «нашей библиотеке» под «№ 100 [96]». Что же касается духовного завещания Евфросина, то о нем митрополит лишь упомянул, сославшись на его издание в первом томе ААЭ: «Под конец жизни те же правила (Устава. – А. П.) старец повторил вкоротке и в своем завещании братии» (Там же. С. 241, 511 (прим. № 76)).

В исследовании А. И. Никитского «Очерк внутренней истории Пскова», посвященном устройству областного быта и самоуправления в Псковской земле эпохи вечевой государственности, особый раздел посвящен состоянию церкви. Рассматривая характер управления в редких общежительных монастырях, автор сослался на опубликованное духовное завещание Евфросина, чтобы проиллюстрировать свое наблюдение относительно существования в Псковской области таких обителей, «которые хотя и не отказывались от вкупа, тем не менее, на безусловное требование вклада смотрели неблагоклонно и принимали к себе желающих без вкупа “за богорад”» (Никитский, 1873. С. 234).

К 1895 г. духовное завещание Евфросина было взято со старого места хранения у надгробия преподобного и перемещено в ризницу. Об этом сообщается в «Ведомости Псковскаго Спасо-Елеазарова Великопустынскаго второкласснаго мужского монастыря за 1895 год», составленной при игумене Павле (Спасо-Елеазаровский монастырь... 2016). Там записано: «За правым клиросом, у стены под спудом, почивают мощи прп. Евфросина. Над мощами устроена гробница, на которой положена древняя его икона, писанная иноком его Игнатием. При гробнице висит на стене в рамке за стеклом полулист бумаги с надписью – копия завещания прп. Евфросина. *В ризнице, в северном приделе храма, в особом ящике, сохраняется подлинное завещание*, писанное на лоскутках пергамента в осьмую долю листа, с приложенною к нему свинцовою печатью Новгородскаго архиепископа Феофила» (Спасо-Елеазаровский монастырь... 2016. С. 180–181; ГАПО. Ф. 340. Оп. 3. № 15).

О перемещении древнего документа было доложено лишь в Псковскую духовную консисторию вместе с предоставленной «Ведомостью». Но богомольцам и заинтересованным исследователям этот факт остался неизвестен. Поэтому, например, в 1904 г. смотритель Александро-Невского духовного училища архимандрит Никодим в своем очерке о псковских святых сообщал устарелые сведения о святыхнях Елеазарова монастыря, заимствованные из имеющейся литературы. В частности, описывая место в церкви Трех Святителей,

где находилось надгробие Евфросина, он отметил, что «при той же гробнице за стеклом висит полулист бумаги с подписью: “копия с завещания преподобного Евфросина”. Под этою копиею сохраняется подлинное завещание его, писанное на лоскуте пергамента в осьмушку, с приложенною к нему свинцовою печатью Новгородскаго архиепископа Феофила. Главныя мысли завещания: братии подвизаться в посте и молитве, призывать странных и убогих, во всем повиноваться настоятелю, пользоваться имуществом “съ опча”, немецких одежд не носить. (См. у преосвящ. Филарета. Русские Святые, май, 108–110)» (Никодим, 1904. С. 355–356).

Профессор Киевской духовной академии В. Н. Малинин в 1901 г. опубликовал историко-литературное исследование «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания». Первый отдел своего труда исследователь посвятил Житию преподобного Евфросина «как источнику начальной истории Елеазарова монастыря». Автор внимательно разобрал первоначальные тексты Жития святого старца, составленные двумя агиографами около 1505 г. и в 1547 г. Уточняя хронологию преемственного правления в обители трех первоначальных братьев-игуменов Игнатия, Харлампия и Памфила, В. Н. Малинин отметил, что Харлампий упоминается в записи на книге Исаака Сирина, списанной в Елеазаровом монастыре в 1472 (6980) г., а также в духовном завещании преподобного Евфросина, составленном «еще при жизни этого святого и скрепленном печатью архиепископа новгородскаго Феофила», рукоположенного в декабре 1471 г. и сведенного с кафедры в январе 1480 г. (Малинин, 1901. С. 3).

Далее, рассматривая вопрос о «сословном происхождении» Евфросина, В. Н. Малинин отметил его состоятельность и достаток, что следует из свидетельства источников. По сказанию Жития, во время путешествия Елеазара в Царьград состоялась его встреча с Константинопольским патриархом, который «оказал преп. Евфросину» «почетный прием» и подарил ему образ Богородицы. Эта икона впоследствии «была пожертвована преп. Евфросином в свой монастырь». «По всем соображениям преп. Евфросин был человек зажиточный, а таким лицам всегда оказывалось на востоке предпочтение <...>». Профессор также обратил внимание на то, что «о зажиточности преп. Евфросина говорит его духовное завещание. Будучи сам родом из селения Виделепскаго, за 30 верст от города Пскова, он в то же время имеет недвижимую собственность в самом Пскове, по видимому довольно значительную, которую и завещает монастырю» (Малинин, 1901. С. 14). В другом месте своего исследования автор высказывается более определенно. «Каким образом у преп. Евфросина оказалась недвижимая собственность в Пскове, из жития не видно. Всего вероятнее это находится в связи с сословным происхождением преп. Евфросина. Что родители его не были из духовнаго звания, можно отчасти видеть из того, что он уклонился от принятия священства. В уставе своему монастырю преп. Евфросин говорит о себе: “не учитель, ни прозвистер есть саном”. Не принадлежал он и к сословию привилегированному. <...> Отсюда представляется наиболее вероятным считать родителей преподобнаго Евфросина зажиточными собственниками из крестьян или купцов. На зажиточность преп. Евфросина, кроме духовнаго его завещания, может указывать и почетный прием, котораго

он был удостоен от патриарха константинопольского» (Там же. С. 27). Поскольку В. Н. Малинин работал в Киеве, он не мог видеть подлинной грамоты, хранившейся в псковском Елеазаровском монастыре, но использовал в своем сочинении текст духовного завещания, опубликованный в первом томе Актов Археографической Экспедиции (Там же. Примечания. С. 1. № 10).

В 1901–1902 гг. при игумене Кирилле в Спасо-Елеазаровском монастыре произведена полная перестройка южного теплого придела в честь Рождества Богородицы при Трехсвятительском храме. Старинный придел был снесен, а на его месте возведен новый, более вместительный. Перемены затронули и место за правым клиросом четверика, где под спудом почивают мощи святого Евфросина, а над ними находится его гробница. Во время строительных работ вместо аркосолия в стене собора была пробита ниша насквозь и устроена «арка, так что богомольцы получили возможность прикладываться к гробнице преподобного Евфросина как со стороны собора, так и со стороны придела» (Спасо-Елеазаровский монастырь..., 2016. С. 192–193).

Масштабные работы в монастыре, свидетельствующие о его благоустройстве и успешном хозяйственном положении, впоследствии привлекли внимание хищников, когда в России началась смута в период первой революции 1905–1907 гг. Тогда участились случаи грабежа церковных ризниц и кражи имущества из обителей. Волна разбойных нападений прокатилась по Псковской епархии (Похищения... [В июне описаны 12 эпизодов, в сентябре – 5, в декабре – 6. – А. П.]).

«В сентябре 1905 г., при игумене Кирилле, был ограблен Елеазаровский монастырь» (Спасо-Елеазаровский монастырь..., 2016. С. 212). Как сообщалось в газете «Псковские епархиальные ведомости» (Далее: ПЕВ): «Ночью на 28 сентября неизвестные злоумышленники, проникнув посредством взлома замков входных дверей в церковь и ризницу Спасо-Елеазаровского монастыря, похитили из сундука, хранившегося в ризнице, по взломе его замка, государственные процентные бумаги и документы, а также наличные деньги, всего на сумму двадцать шесть тысяч двести пятьдесят один рубль. О похищении сообщено полиции, которою произведены осмотр и дознание, а равно сообщено о том-же в Псковское Губернское Казначейство, в местное Отделение Государственного Банка и Псковские Коммерческий и Городской Банки» (Похищения [Грабеж № 2. – А. П.] // ПЕВ. 15–31 декабря 1905 г. № 24. С. 508). Очевидно, именно тогда вместе с ценными бумагами и документами святотатцами была похищена из ризницы и подлинная харатейная грамота с духовным завещанием Евфросина. Разбойники, вероятно, даже не поняли, какая святыня попала им в руки, они могли ее уничтожить как ненужную улику, а если даже и осознали ее антикварное значение, то постарались от нее избавиться, найдя покупателя¹. С тех пор древняя грамота пропала бесследно...

¹ Ныне приходится лишь сожалеть об утрате этой древней реликвии. Но ничего не бывает случайным. В таких обстоятельствах действует Божий промысел. Пока грамота находилась, как святыня, над гробницей преподобного Евфросина, она сохранялась при благоговейном к ней отношении и осознании ее духовного значения. Как только

В сентябре 1906 г. в «Псковских епархиальных ведомостях» появилось издание списка с рукописания Евфросина вместе с переводом славянского текста на современный русский язык (Духовное завещание...). Если бы в монастыре в то время сохранялась подлинная грамота, не было бы необходимости обращаться к тексту копии, но между тем опубликован оказался именно поздний список. Как можно видеть при сопоставлении его текста с публикацией 1836 г. это был особенный список, отличающийся написанием многих слов. Автор публикации в газете не указан. Можно предположить, что это был Н. И. Серебрянский, изучавший тогда историю монастырской жизни в Псковской земле. В пользу этого наблюдения свидетельствует такое обстоятельство: «в 1906 году Спасо-Елеазаровский монастырь издает составленное им [Н. И. Серебрянским. – А. П.] по просьбе настоятеля о. Иувеналия “Житие преп. Серапиона, псковского чудотворца”» ([*Пантелеимон (Губенко), иеромонах*], 2013. С. 12.). В то же время житие святого Серапиона, а также «Житие преподобного Евфросина Псковского» были опубликованы в «Псковских епархиальных ведомостях» в июле-августе 1906 г. (Житие преподобного Серапиона...; Житие преподобного Евфросина...), непосредственно перед изданием духовного завещания Евфросина Псковского, появившегося в следующем номере газеты. Данные публикации были объединены тематически для популяризации духовного наследия преподобного Евфросина и его ученика Серапиона. Отсюда следует, что все вышеназванные издания подготавливал Н. И. Серебрянский по заказу нового настоятеля Спасо-Елеазаровской обители иеромонаха Иувеналия (он был назначен игуменом вместо провинившегося Кириллы, при котором произошло ограбление монастыря).

Сей молодой и деятельный настоятель 24 августа 1906 г. подал псковскому архиепископу Арсению (Стадницкому) «докладную записку о возстановлении общежития в Спасо-Елеазаровом монастыре на строгих началах Российских пустыней», желая поднять «духовно-нравственный уровень монастырских насельников» по примеру «аскетических идеалов древнерусского монашества, давшего нам великих преподобных святых: Евфросина, Серапиона, Никандра и др.» (К преобразованию ...). Это и побудило обратиться к текстам древних памятников письменности: Уставу и Духовному завещанию Евфросина Псковского.

Тем не менее, сам Н. И. Серебрянский не придавал своей популярной безымянной публикации в «Псковских Епархиальных Ведомостях» научного значения. К тому времени он уже завершил работу над рукописью основательных «Очерков по истории монастырской жизни в Псковской земле», увидевших свет в 1908 г. Поэтому для местной периодической печати жития псковских преподобных отцов были переложены им на современный русский язык, пересказаны и сокращены для простоты восприятия. Также и «Духовное

монастырские власти, поглощенные попечением о хозяйственном благоустройстве, утратили к ней должное почитание и переместили ее в казну, положив в сундук вместе с процентными бумагами и деньгами, то есть уравнили ее с материальными ценностями, она была похищена и уничтожена. Как тут не вспомнить о нестяжательном учении старца Евфросина, изложенном в его уставе и духовном завещании для своей обители!

завещание» было издано в переводе, но с помещением старинного подлинного текста в подстрочнике. Эта публикация оставлена им без каких-либо комментариев. Единственным уточнением служат слова в примечании: «Переведено с древней копии “Завещаннаго Писания Преподобнаго Евфросина Псковскаго Чудотворца”, славянский текст которой, с соблюдением орфографии, приводим ниже» (Духовное завещание...). Вероятно, это как раз и была та самая копия, что находилась в Елеазаровском монастыре, о которой упоминает иеромонах Иосиф: «При гробнице преподобнаго Евфросина висит за стеклом в раме полулист бумаги, с надписью “копия с Завещания преподобнаго Евфросина”» (*Иосиф (Баженов)*, 1858. С. 12–13). В таком случае ее мог предоставить Н. И. Серебрянскому настоятель обители отец Иувеналий для перевода и подготовки к изданию в газете.

Следует заметить, что при сравнении текста этой публикации с другими списками завещания XVIII–XIX вв. можно увидеть многочисленные различия, касающиеся написания отдельных букв, окончаний слов и передачи имен, которые разнятся с изданием Археографической Экспедиции. Всё это также указывает на то, что для газетной публикации ПЕВ использовался другой рукописный список, который бытовал при гробнице преподобного в Трехсвятительском монастыре, для чтения паломников-богомольцев. Однако этот список с подлинной грамоты был не совсем точен. Как можно видеть по его изданию в ПЕВ, он имел погрешности, иногда довольно существенные, искажающие смысл. Например, в начале грамоты (по изданию 1836 г.), где перечисляются недвижимые угодья Елеазара-Евфросина в миру есть слова: «и **отчинѣ** своей, и **исадомъ своимъ**, и клѣтемъ на городѣ, и всему сполу что **ни есть**». Между тем в монастырском списке допущены неточности воспроизведения. Вместо такого текста в газетном издании значит: «и**очинѣ** своей и **садомъ** и клѣтемъ на городѣ, и всему сполу что **ниестъ**». Здесь имеются пропуски слов, союзов, их неверные соединения и разделения, влекущие за собой искажения смысла. Например, вместо рыболовецких исадов написаны некие «сады», которые воспринимаются как насаждения плодовых деревьев.

Поэтому неслучайно, что в своем труде о псковском монашестве, описывая «Духовное завещание» Евфросина, Н. И. Серебрянский ссылался на текст этого памятника, изданный в I томе Актов Археографической Экспедиции под № 108, используя его как наиболее точный список. Обратиться к подлинной грамоте для палеографического изучения он уже не успел.

Н. И. Серебрянский внимательно рассмотрел содержание завещания преподобного, отметив, что оно находится «в тесной связи с уставом» и «кратко повторяет правила общежития». При этом в своем рукописании Евфросин более подробно «говорит о вкладах и о пожертвованиях на монастырь» и «этим вопросам он посвящает более трети своего завещания». Также «в завещании подробнее, чем в уставе, изложен порядок» избрания игумена, которому передается вся власть в обители. По наблюдению Н. И. Серебрянского, «из новых правил в завещании встречаем лишь распоряжение о совершении в монастыре сорокоуста по умершим инокам и по тем из мирян, которые послужат на обитель не меньше двух-трех лет» (*Серебрянский*, 2013. С. 258–259).

При этом Н. И. Серебрянский сделал важное замечание о том, что оригинал завещания «до последнего времени хранился в монастыре, при гробнице преподобного. Теперь в монастыре нет этого ценного памятника – и неизвестно, когда и как он утрачен» (Там же. С. 258). Этим свидетельством Николай Ильич подтвердил, что пропажа грамоты произошла уже в начале XX в. Однако он умолчал об известных обстоятельствах, при которых произошла потеря². С тех пор и до сего времени подлинная харатейная грамота нигде не была обнаружена. К сожалению, теперь эту священную древность следует признать утраченной.

После революции 1917 г. Спасо-Елеазаровский монастырь был закрыт и разорен. Многие его древности оказались уничтожены. Не сохранилось также и копии с «Завещанного Писания Преподобного Евфросина Псковского Чудотворца», висевшей над гробом святого вместе с подлинником.

В 1949 г. состоялось издание сборника «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», подготовленного к печати в Институте истории АН СССР коллективом археографов под редакцией С. Н. Валка (ГВНП). В него вошли все известные на то время грамоты XIII – начала XVI вв. двух феодальных республик. По замыслу составителей в сборник помещались как прежде изданные документы, так и те, что были выявлены вновь при подготовке данного издания. Таким образом, впервые в значительном объеме были систематизированы и собраны воедино древнейшие акты материалы Новгородской и Псковской земли «времен их государственной самостоятельности (до 1478 г. для Новгорода и до 1510 г. для Пскова)». Однако исчерпывающей полноты в подборе актов составителям сборника достичь не удалось. Так, духовное завещание преподобного Евфросина по неизвестным причинам не было включено в общий состав псковских грамот, хотя авторам сборника был хорошо известен первый том «Актов Археографической Экспедиции», где оно было впервые опубликовано. При этом на ААЭ делались ссылки, отсюда же заимствовались извлечения грамот для переиздания. Кроме того, духовные грамоты как таковые были помещены среди новгородских и псковских актов этого сводного издания. В чем же причина такого забвения, отчего духовное завещание Евфросина не было добавлено к псковским грамотам данного сборника? Возможно, на это указывает оговорка в предисловии, сообщающая о том, что «две грамоты оказались не включенными, хотя они и должны были бы войти в том. Это – церковный устав кн. Всеволода и грамота церкви Ивана на Опоках. Они оказались вне данного тома, так как, по существующим предположениям, отдельный том будет отведен уставным церковным грамотам и обе эти грамоты предназначены ко включению именно в этот том» (ГВНП. С. 4.). Но духовное завещание Евфросина по форме и виду документа никак не являлось уставной грамотой, хотя в нем и оговаривались преимущественно уставные правила

² Монастырские власти, чувствуя свою вину за недосмотр и утрату бдительности при охране обители, а может быть, по причине опасения за свою жизнь при ограблении, не смогли оказать сопротивления разбойникам и предотвратить беду. Оттого они стыдливо скрывали свою оплошность, не желая огласки.

монастырской жизни после смерти старца. Однако остается лишь догадываться, что завещание Евфросина могло бы попасть в предполагаемый к изданию второй том, который так и не появился. В этой связи следует признать, что составители сборника сделали досадное упущение. Впоследствии такой недостаток отразился на отсутствии рукописания Евфросина среди набора известных документов эпохи Псковского вечевоего государства, который использовали исследователи актового источниковедения.

Осознавая крайне малое количество известных текстов грамот Псковского государства, Л. М. Марасинова поставила себе целью найти их новые списки в более поздних документах. Исследуя псковские столбцы XVII в. из архивных собраний Пскова и Москвы, она обнаружила новые копии с 29 прежде неизвестных псковских грамот XIV–XV вв., одну подлинную харатейную грамоту и 4 новых списка с уже знакомых актов. Среди открытых ею источников был выявлен замечательный документ 1459–1465 гг. – «Данная сябров Великопольской земли старцу Евфросину и игумену Игнатию на землю под монастырь» в списке 1678 г. (Марасинова, 1966. С. 61–62). Автору удалось точно локализовать участок пожалованной земли, датировать грамоту и связать ее с начальным этапом устройства обители еще при жизни преподобного ее основателя. В этой связи следовало ожидать, что тема изучения древнего архива Елеазарова монастыря получит в работе Л. М. Марасиновой дальнейшее развитие с привлечением других известных письменных источников XV в. Однако Л. М. Марасинова не рассматривала духовное завещание преподобного Евфросина как самостоятельный памятник вечаевой эпохи и не включила его в состав актовых материалов изучаемого периода. Хотя она публиковала списки с таких грамот, сравнивая их с прежде изданными текстами, но ей не был известен какой-либо рукописный список этого документа. Кроме того, в ее обзор опубликованных псковских земельных актов XIII–XV вв. даже не попала ссылка на издание этого завещания, осуществленное Я. И. Бередниковым в ААЭ (Там же. С. 5–9).

Позднее к опубликованному тексту духовного завещания обращались преимущественно как к литературному и церковно-каноническому памятнику, продолжая сравнивать его содержание с общежительным уставом Елеазарова монастыря.

Так, Т. В. Круглова, исследуя устройство псковских монастырей в XIV–XV веках (Круглова, 1991. С. 116–117), вслед за Н. И. Серебрянским отмечает: «Свои взгляды на монастырское устройство Евфросин изложил в двух документах: иноческом уставе и духовном завещании. <...> Духовное завещание Евфросина датируется временем не позднее 1479 года на основании свинцовой печати, скреплявшей грамоту. Печать содержала имя архиепископа Великого Новгорода и Пскова Феофила (1472–1480). <...> Евфросин изложил в уставе основные принципы устройства и жизнедеятельности основанного им монастыря. В завещании главные из этих положений даны в сжатой и лаконичной форме. <...> Вслед за [Суздальским архиепископом – А. П.] Дионисием, грамоту которого он положил в основу своего устава, Евфросин полагал, что в монастыре все имущество должно быть общим <...>. “А который чернец или

белець, даст что в обитель святых святитель и преподобного Отца Ануфреа церкви, в область из добрые воли, спасения ради душа своеа, такоже и милостыню, а не вкуп, занеже вкупа несть в монастыре, ино того не искати на игумене и на чернецехъ, занеже то дано святей церкви, ни игумену ни братьи..." [ААЭ, 1836. С. 82–83]. В этом положении духовного завещания Евфросин еще раз подчеркнул, что в монастырь принимается только добровольный вклад, данный не игумену и монахам, а церкви; он решительно выступал против распространенной в других монастырях вкупы» (Круглова, 2000. С. 13–15).

В 1991 г. вышел «Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника», составленный Н. П. Осиповой. Среди показанных в нем древностей есть описание литературно-агиографического сборника 1800–1810 гг., созданного в Пскове. Как явствует из приведенных записей, в 1845 г. эта рукописная книга принадлежала псковскому купцу Ивану Михайлову, о чем была сделана владельческая запись на л. 314. Из описания сборника можно видеть, что он содержит воинские повести и жития псковских святых, в том числе преподобного Евфросина. Вслед за «Похвалой Евфросину» следует текст под названием «Завещание Евфросина ("Копия с завещательного писания преподобного Евфросина Псковскаго чудотворца, писаннаго на пергамине") – л. 246–248» (Осипова, 1991. С. 134–136). Таким образом, здесь впервые в печати было отмечено существование еще одного прежде неизвестного исследователям списка с духовного завещания Евфросина. Однако Н. П. Осипова вряд ли догадывалась об этом факте и не придавала ему особого значения как открытию, поскольку не занималась изучением истории литературных памятников как таковых. Избранный ею лаконичный подход к описанию рукописей не позволял охарактеризовать содержание памятника подробнее, поскольку все произведения были представлены в Каталоге лишь заголовками и начальными словами. Несомненная заслуга Н. П. Осиповой в том, что в ее Каталоге были объединены и заявлены находящиеся в Древлехранилище источники, что облегчило поиск материалов и работу с рукописями для других исследователей, которым предстоит обращаться к отдельным памятникам письменности для их обстоятельного изучения и осмысления.

Филолог В. И. Охотникова при исследовании псковской агиографии XIV–XVII вв. тщательно разбиралась в редакциях и многочисленных списках Жития преподобного Евфросина Псковского. Ей также были известны и собственные сочинения Евфросина: его Устав, послания и духовное завещание (Охотникова, 2007а. С. 6). Зная о существовании двух публикаций текста духовного завещания (1836 и 1906 гг.), а также о его рукописном списке в составе привлекавшегося ею Сборника псковских произведений 1800–1810 г. из фонда И. Михайлова в собрании Древлехранилища Псковского музея (№ 229) (Охотникова, 2007б. С. 501), В. И. Охотникова, тем не менее, не занималась его специальным изучением³. Это не входило в задачу ее исследования, хотя

³ Благодарю В. И. Охотникову за любезное уточнение о том, что при работе в столичных архивах и библиотеках с рукописями, содержащими Житие Евфросина и его Устав, ей не встречались списки с Духовного завещания преподобного. Исключение составляет

«рукописание» преподобного напрямую связано с его житием и учением, на что она все же обратила внимание, заметив, что «Евфросин оставил после себя духовное завещание, в котором он кратко излагает историю своей жизни <...>» (Охотникова, 2007а. С. 6).

М. В. Первушин в своей диссертации «"Житие Евфросина Псковского": История текстов, проблема авторства, идейно-содержательная специфика» (2008) также отметил, что «Евфросин Псковский был не только подвижником, но и писателем, который, кроме "Устава", написал еще несколько посланий и "Духовное завещание". Послания Евфросина дошли до нас в составе его "Жития" (Унд. 306), а текст "Духовного завещания" был издан в: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 108. С. 83; а также в: Псковские епархиальные ведомости, № 17, 1906. С. 406–409» (Первушин, 2008). Впрочем, упомянув эти произведения, автор диссертации не привлекал их содержания к своему исследованию.

Специальную статью, посвященную источникам Устава Евфросина Псковского, посвятила М. В. Корогодина (Корогодина, 2018. С. 40–47). В ней рассматривается выявленный автором рукописный Иерусалимский устав, созданный в Елеазаровском монастыре повелением святого Евфросина. Он также использовался при составлении правил иноческой жизни, разработанных преподобным для Трехсвятительской обители наряду с другими церковно-каноническими произведениями, уже отмеченными ранее Н. И. Серебрянским. По наблюдению М. В. Корогодиной, «одновременное распространение Иерусалимского и Скитского уставов, предназначенных для монастырей, устроенных по диаметрально противоположным принципам, говорит о значительном различии во внутренней жизни обителей, что, очевидно, и влекло за собой стремление игумена изложить собственные правила монастырской жизни, отражающие его взгляды на монашество. Это привело к созданию в конце XV–XVI веках целого ряда древнерусских иноческих уставов, первым из них стал Устав Евфросина Псковского. Подобные авторские уставы носили почти исключительно дисциплинарный характер, дополняя, но не заменяя богослужебные уставы, подобные Иерусалимскому или Студийскому» (Там же. С. 41). О Духовном завещании Евфросина в статье М. В. Корогодиной не упоминается, несмотря на его явную связь с Уставом. Поскольку завещание писалось позднее, чем Устав, оно, конечно, не может быть отнесено к его источникам, но, по сути, у них единое происхождение и много общего в содержании основных идей.

Итак, из обзора существующей литературы можно видеть, что до сих пор Духовное завещание преподобного Евфросина само по себе еще не являлось предметом особого изучения как памятник древней псковской письменности. Полный текст Завещания был известен по двум публикациям Я. И. Бердникова

лишь Сборник псковских произведений 1800–1810 г. из фонда И. Михайлова в собрании Древлехранилища Псковского музея (№ 229), где «Копия с Завещательного писания преподобного Евфросина...» помещена как приложение к основному тексту его Жития.

и Н. И. Серебрянского. Авторы, обращавшиеся к его содержанию, в основном сравнивали его с Уставом Евфросина. Именно на эти издания (1836 и 1906 гг.) всегда делались ссылки, поскольку подлинная грамота оказалась утраченной. Обнаружение нового списка 1732 г. побуждает нас обратиться к духовному завещанию Евфросина как актовому документу XV в., который имеет самостоятельное значение и заслуживает отдельного внимания.

Публикация и археографический обзор списков

Публикуемые тексты приводятся буквально с использованием гражданского шрифта. Сохраняются имеющиеся в словах славянские буквы: от, фита, ять, омега, кси. Титла раскрываются, и скрытые в них буквы вносятся в строку в круглых скобках. Выносные надстрочные буквы выделяются курсивом. Воспроизводятся паерки. Знаки препинания не расставляются за исключением тех, что указаны в источнике. Имена собственные и географические названия приводятся с заглавной буквы. Для списка 1732 г. сохраняется построчное расположение текста как в источнике. Утраченные части слов восстановлены в квадратных скобках по изданию 1836 г. Поскольку история происхождения Копийной тетради Елезарова монастыря уже была нами рассмотрена в отдельной статье (Постников, 2017. С. 273–287), где также описаны внешние особенности рукописи и обоснована ее датировка, здесь эти сведения не повторяются.

[Около 1477 (6985) г. января до 21 дня]. – Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского.

Список 1732 г. публикуется впервые⁴.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 242. Елезаров монастырь. О. Ф. 36622. ДОК-21512. Л. 7–8.

«|| Л. 7 || Д(у)ховная
 [Во имя О(т)ца и С(ы)на и С(вя)таг[о Д(у)ха.]
 [Се азъ рабъ Б(о)жій Ефросинъ] ино[къ ходя при животѣ своемъ]
 [учинихъ крѣпость манастырскому житію и отчинѣ своей,
 и исадомъ своимъ, и клѣтемъ на городѣ,
 и всему сполу что ни есть: а то приказываю]
 || Л. 7 об. || Отцю своему [д(у)хо]вному игумену Х[а]р[лампию]
 Служителю с(вя)тыхъ С(вя)тителей Василіа Великаго [Григоріа]
 Б(о)гослова Іоана Златоустагѣ и пр[еп(о)д(о)бнаго]
 Отца ѿнуфреа и всей яже о Хр(и)ст[ѣ]
 братіи своей. А игумену в томъ [не ко-]
 рыстоватися ни братѣи моеи ни кела[ремъ]⁵

⁴ Утраченные фрагменты текста восстановлены в квадратных скобках по изданию: ААЭ, 1836. С. 83. № 108.

⁵ В слове «келаремъ» – сверху над еstem написан ять, то есть исправлено по старому: «къларемъ».

ни по[сел]никомъ ни в монастырь⁶ служа[щимъ];
 А ис того [ж]итія ѿкручати братью
 изъ⁷ ѿбчя, А которой братъ придет[ъ]
 в монастырь⁸ і иметь бити челом игумен[у]
 и всей⁹ брат[ъ]и, а пріяти игумен[у]
 з¹⁰ братією по пословицѣ, А которо[й]
 чернецъ или бѣлецъ дасть что в[ъ]
 ѿбитель [с](вя)тыхъ [с(вя)тит]ель и пр(е)п(о)д(о)бнаго ѿ[тца]
 Ануфрія ц(е)ркви во ѿбласть из до[брые]
 воли спасения ради д(у)ша своя, [такоже]
 и милостыню, а не вкупъ: зане[же вкупа]
 нѣсть в монастырь, ино того н[е искати]
 на игуменѣ и на чернцех, занеже [то дано]
 с(вя)тѣй ц(е)ркви ни игумену ни братѣи, [А ино]
 которой чернецъ или бѣлецъ [того]
 не взыскивали бы на с(вя)тѣй ц(е)рк[ви понеже]
 [т]ѣхъ людей [правила] с(вя)тыхъ о(т)цѣ п[роклинають]
 [которые отнимають] свое дан[іе отъ с(вя)тей ц(е)ркви]
 И напрасно смертію умирають по Б(о)жію суду.
 Подобаеть намъ и сего смотрити, како были обѣщали даръ свой
 Г(о)с(по)деви Ананія и Самфира и потомъ солгали Г(о)с(по)деви,
 || Л. 8 || [и абіе най]де на них н[а]пра[сна] см(е)ртъ люта¹¹
 [такоже Д]аѡанъ и Авир[онъ]¹² иже несо
 [храниш]а заповѣди Божия [н]апрасно ихъ
 [земля] п[оже]рла. Также и намъ братіе
 [велми] подобаеть блюстися *от* та[кова]го дѣла
 [поне]же тую обиду намъ Б(о)гъ мститъ в сем
 [вѣцѣ] и в бу[ду]щемъ. А [по]пра[вило]м с(вя)т[ы]х о(т)цѣ]
 [въ кел]іяхъ чернецемъ не ясти р[азв]ѣ [п]раздника
 [или] пиршества какого ни же[нам]ъ быти в м(а)н(а)ст(ы)рѣ
 [ни мы]лни держати [н]и немец[ко]го платья но-
 [сити] ни с пухомъ ш[у]бъ н[осит]и, а которой
 [брат]ъ преставится в м(а)н(а)ст(ы)рѣ ино пѣти по нем
 [соро]коусть, а которой [по]слу[жи]тъ мир[яни]н

⁶ Слово «монастырь» исправлено на «манастырь».

⁷ Над ером в слове «изъ» надписана буква «о», так как в подлинной рукописи было, по-видимому, написано слитно «изоѿбчя».

⁸ У слова «монастырь» над первым слогом надписана буква «а», поскольку в древней рукописи слово было написано как «манастырь».

⁹ Исправлено на «всѣй».

¹⁰ Исправлено на «съ».

¹¹ Деяния святых Апостолов 5: 1–10.

¹² О гибели Корея, Дафана и Авирона, восставших против избранности Моисея см.: Библия. Книга Чисел 16: 1–35.

[два] года или три [а п]о том тако ж пѣт[и.]
 [А к]то начнеъ преобижати [дом]ъ с(вя)ты(х)
 [С(вя)тителей и] преподобнаго отца Ануфреа да
 [будеть] под тягостию с(вя)тѣи ц(е)ркви; А на то
 [Б(о)гъ по]слухъ и от(е)цъ мой [д(у)хов]ной игумень
 [Харлам]пьи служитель с[(вя)тых с(вя)ти]тель и пр(е)п(о)д(о)бнагѡ
 [отца А]нуфреа. А преставится игумень
 [Харлампей] и по его животь А кого *Бѡ избереть*¹³ [и с(вя)тыи Три]
 [С(вя)тите]ли и пр(е)п(о)д(о)бный [от(е)цъ] Ануерей п[о]
 [бл(а)гословенію отца] нашего [Харлам]піа; А [кого]
 [себѡ брата въз]любятъ [игумена того себѡ держать.
 Да буди намъ Б(о)гъ помощникъ.
 У той крѣпости печать свинцовая.]¹⁴

Список 1800 г.

В Древлехранилище Псковского музея сберегается рукописный «Сборник житий псковских святых и воинских повестей 1800–1810 гг.», содержащий список 1800 г. с духовной грамоты преподобного Евфросина (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349(1). РУК–229. На 315 листах. Л. 246–247). В 40-е годы XIX в. этот сборник принадлежал псковскому купцу-староверу Ивану Михайлову (ум. 24 апреля 1849 г.) (Осипова, 1991. С. 149. № 329), который приобрел его уже в готовом виде. Владелец рукописной книги упоминается в собственноручной записи на л. 313: «Из книгъ Псковскаго купца Ивана Михайлова 1845 1/28 г.». Почерк этой записи отличается от первоначальной руки составителя книги. Скоропись же писца относится к более ранним почеркам конца XVIII в. В сем сборнике на л. 149–245 содержится «Житіе и Дѣянія Преподобнаго отца нашего Евфросина Псковскаго чудотворца», а также его послание к архиепископу Евфимию с ответом на него и похвала Евфросину. В конце текста на л. 245 отмечено тем же почерком: «Списывано 1800 года». Из этого можно полагать, что и помещенное вслед за тем Духовное завещание преподобного Евфросина было скопировано тогда же, в 1800 г., еще до обнаружения его членами Археографической экспедиции. Таким образом, это второй по времени известный список завещания. Он имеет свои разночтения по сравнению с более ранним списком 1732 г. Приведем его дословно и буквально, поскольку этот список 1800 г. ранее не издавался.

¹³ *Бѡ избереть* – написано сверху над зачеркнутыми словами: «выберуть». Т. е. исправлено на верное написание, как было изначально: «А кого Богъ избереть».

¹⁴ В примечании к изданию грамоты в ААЭ сообщается: «Подлинник писан уставом на пергамене. В конце, на зеленом шелковом шнурке, привешена свинцовая печать средней величины, с изображением на одной стороне Св. Троицы, а на другой надписи в кружке: “Еоѡфилъ Архіепіскопъ Великаго Новагорода и Пскова”. – Хранится въ Псковском Спасо-Елеазаровом монастыре».

Список 1800 г. публикуется впервые.

ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец. О. Ф. 12349(1). РУК-229. Л. 246-247.

«|| Л. 246 || **Копія съ Завѣщательнаго писанія преподобнаго Евфросина Псковскаго Чудотворца писаннаго на пергаминаѣ.**

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,

Се азъ рабъ Божій Евфросинъ инокъ, ходя при животѣ своем учинил крѣпость монастырскому житію и очинѣ своей, и исадомъ своим и клѣтем на городѣ, и всему сполу что ни есть. А то приказываю отцу своему духовному игумену Харлампію, служителю Святых Святителей Василиа Великаго, Григоріа Богослова, Іоанна Златоустаго, и преподобнаго отца Онуфрея, і всей яже о Христѣ братыи своей, а игумену в том не корыстоватися ни братыи моеей, ни келарем, ни поселником, ни в монастырѣ служащим, а ис того житія окручати братыю изопчя, а которой братъ и придетъ въ монастырь и иметъ бити челомъ игумену і всей братыи, а пріяти игумену съ братією по пословицѣ, а которой чернецъ или бѣлецъ дасть что во обитель Святых Святителей и преподобнаго Онуфрея церкви во область изъ доброй воли спасенія ради || л. 246 об. || душа своя такоже и милостыню а не вкупъ, занеже вкупа нѣсть въ монастырѣ ино того не искати на игуменѣ и на чернцѣхъ, занеже то дано святѣй церкви, ни игумену ни братыи, А ино которой чернецъ или бѣлецъ того не взыскивали бы на святѣй церкви. Понеже тѣхъ людей правила Святых Отець проклинаяють, которые свое даніе от Святѣй Церкви [отнимають. – пропущено слово. – А. П.] и напрасною смертію умирають по Божію Суду. Подобаеть нам сего смотрити како были обѣщали даръ свой Господеву Ананія и Самфира, и потом солгали Господеву, и абіе найде на них напрасная смерть люта, такоже Дафанъ и Авиронъ иже не сохраниша заповѣди Божія напрасно их земля пожерла, такоже и нам братые велми подобаеть блюстися от таковаго дѣла, понеже тую обиду нам Богъ мститъ въ сем вѣцѣ и въ будущем, А по правилом святых Отець въ келіях чернецем не ясти, развѣ праздника или пиршества какого, ни женам быти въ монастырѣ ни мылни держати, ни немѣцкаго платія носити, ни || л. 247 || съ пухомъ шубъ носити, а которой братъ преставится въ монастырѣ, ино пѣти по нем сорокоусть, а которой послужитъ мирянинъ два года или три, А по том такоже пѣти, А кто начнетъ преобиждати домъ Святыхъ Святителей и преподобнаго отца Онуфрея, да будетъ под тягостію Святѣй Церкви, А на то Богъ послухъ, и отецъ мой духовный игумень Харлампьи служителю Святых Святителей и преподобнаго отца Онуфрея, А преставится игумень Харлампьи, а по его животѣ, а кого бѣ изберуть и Святіи Три Святители и преподобный отецъ Онуфрей, по благословенію отца нашего Харлампя, а кого себѣ братыи возлюбятъ игумена того себѣ держать

Да буди намъ Богъ помощникъ.

Въ низу у подлинной печать свинцовая висучая на зеленом шелку, на ней на одной стороны изображеніе Святыя Троицы Авраамскія, а на другой сторонѣ надпись таковая. *Θεοφιλη Αρχιεπισκοπη Великаго Новаграда и Пскова».*

Исторический и хронологический комментарий

Первый издатель «Духовнаго завещания преподобнаго Евфросина Псковскаго», списавший его в монастыре с подлинной харатейной грамоты, Я. И. Бердников обозначил дату документа указанием: «Прежде 1479» г., но не сделал пояснений к своим наблюдениям (ААЭ, 1836. С. 83. № 108.). Действительно, сию духовную крепость следует датировать временем правления Феофила, архиепископа Великого Новгорода и Пскова, чья печать заверяла грамоту. Святитель был поставлен на архиепископию 15 декабря 1471 г. и служил в Новгороде до 19 января 1480 г., когда был смещен с кафедры, пленен и заточен в Чудовом монастыре Москвы по приказу Ивана III (*Макарий (Булгаков)*, 1996. С. 42, 50).

Как отмечал П. А. Шорин, «печати новгородских архиепископов XIII–XV вв. четко разделяются на две группы: именные и анонимные. Именные печати несут на себе изображение Богоматери «Знамение» и строчную надпись на другой стороне: Такой-то (указывается имя) архиепископ Новгородский. Анонимные печати вместо надписи имеют изображение креста в различных вариантах» (*Леонтьева, Шорин, Кобрин*, 2003. С. 192).

По данным П. Г. Порфиридова, подлинной именной печати архиепископа Феофила, к сожалению, не сохранилось. Но известны его анонимные буллы, «т.е. не содержащие в надписи определенного имени» (*Порфиридов*, 1959. С. 82–83). Исследователь также обратил внимание на одновременное использование как именных, так и анонимных печатей. «Любопытно, что употребление печатей новгородских владык к концу существования Новгородской республики приводит, по существу, к стиранию различия между тем и другим видом. Известные печати последнего выборного владыки Феофила (1470–1482) принадлежат в целом к виду анонимных. Однако, лишенные надписи как таковой, они, тем не менее, сохраняют некоторую связь с именными, так как несут имя владельца, почти зашифрованное среди титулов, которыми окружено изображение креста» (Там же. С. 90).

Между тем, духовное завещание Евфросина было заверено именной печатью Феофила. Согласно описанию Я. И. Бердникова, «в конце, на зеленом шелковом шнурке, привешена печать средней величины с изображением на одной стороне Св. Троицы, а на другой надписи в кружке: “Феоѿиль Архіепіскопъ Великого Новагорода и Пскова”» (ААЭ, 1836. С. 83. № 108).

По определению В. Л. Янина, буллы такого вида относятся к печатям владычных наместников. В статье, посвященной вислым печатям Пскова, он привел описание этой буллы диаметром 27 мм, представил прорисовку надписи в шесть строк и на рисунке 7 опубликовал ее фотографическое изображение под № 68 (*Янин*, 1960. С. 256. № 68 (описание); рис. 7 № 68 (фото аверса и реверса печати)). В другой статье В. Л. Янин указал время появления печатей такого типа и разъяснил хронологию их бытования. После Болотовского договора, когда самостоятельность Псковского государства была признана Новгородом, на псковских печатях владычных наместников происходят изменения. Если раньше они имели на аверсе изображение Богоматери «Знамение», а на реверсе – изображение креста, то с тех пор, как наместники стали

назначаться «только из числа псковичей», «внешним проявлением этой самостоятельности стало обозначение на печатях владычных наместников главной псковской святыни – Троицы». В XV в. «изображение Троицы на печатях владычных наместников Пскова сочетается с именем и развернутым титулом владыки. При Евфимии (1434–1459): “Еуфимии архиепископ Великого Новаграда и Пскова”, при Ионе (1460–1471): “Иона преосвященный архиепископ и владыка Великого Новагорода и Пскова”, при Феофиле (1472–1479): “Феофил преосвященный архиепископ Великого Новагорода и Пскова владыка”» (Янин, 1966. С. 165).

При раскопках Г. П. Гроздилова в Домантовой стене Пскова в 1961–1962 гг. был найден погребенный «архив», от которого уцелело 528 свинцовых печатей, некогда скреплявших харатейные грамоты. Эта находка «дала обильные группы булл владычных наместников как времени Ионы и Феофила, так и периода, последовавшего за падением новгородской независимости» (Там же. С. 168). Таким образом, печать, скреплявшая духовное завещание Евфросина, хорошо известна сфрагистике.

Для законного оформления и заверения «рукописаний», как по-псковски назывались духовные грамоты в XV в., нужно было обратиться к местным властям для написания и скрепления харатейной грамоты вислой свинцовой печатью с уплатой за то полагающейся пошлины. Для мирян это можно было сделать, прибегнув к помощи псковских посадников или Господы во главе с князем. По наблюдению А. И. Никитского, основанному на тексте Псковской Судной грамоты, «если, например, княжеский дьяк отказывался, под условием установленной платы, от написания грамоты или от приложения к ней печати, то истцу вольно было написать грамоту, где случится, а печать обязан был приложить городской (вечевой) дьяк у Св. Троицы <...>» (Никитский, 1873. С. 124, 125). Духовные лица заверяли свои грамоты у владычных наместников Пскова. Описание моливдовула изучаемого документа как раз соответствует виду печати псковского владычного наместника (Подробнее см.: Белецкий, 1994. С. 17–18) периода правления архиепископа Феофила (декабрь 1471 – январь 1480).

Это указывает на место создания и заверения грамоты в городе Пскове при Троицком соборе, где «на сенях» существовала канцелярия веча и находился «ларь», то есть государственный архив с грамотами. Согласно исследованию Л. В. Черепнина, «при Троицком соборе оформлялись приложением псковской государственной печати частнопровольные акты. <...> Оформление документа при Троицком соборе и передача его в архив сообщали ему юридическую силу, и в случае судебных споров наличие в “ларе” документа, служащего доказательством на суде, или заверенной с него копии решало часто дело» (Черепнин, 1948. С. 408–410).

Там же при храме Святой Троицы в XIV–XV вв. располагалось делопроизводство владычного наместника и осуществлялся суд по духовным делам. Это отмечает В. Л. Янин, высказывая догадку о том, что в последней четверти XV в. «после падения новгородской независимости» происходит «исчезновение владычных печатей и появление на их месте посадничьих “Троицких

печатей»», а связано это было с тем обстоятельством, что «посадники Пскова действительно были наследниками владычных наместников, приняв от них не только ту часть юрисдикции в гражданских делах, которая еще оставалась у них, но и самое место судопроизводства с ларем святой Троицы» (Янин, 1960. С. 257).

Таким образом, выясняется, что все документы и «рукописания» для лиц духовного чина должны были составляться в канцелярии владычного наместника при Троицком соборе, где в «ларе» хранился список с подлинной грамоты, выдаваемой владельцу.

На основании статьи 14 Псковской Судной грамоты Л. В. Черепнин сделал важное наблюдение о значении «рукописания» как документа, составленного с соблюдением всех формальностей и не подлежащего сомнению в силу своего хранения в «ларе святой Троицы». Он отмечал: «Если окажется, что умерший при жизни оставил письменное распоряжение своим имуществом, положив в государственный архив духовное завещание, то предъявивший иск на основании простой “доски” без заклада или формальной записи проигрывает его» (Черепнин, 1948. С. 409).

В этой связи необходимо также рассмотреть вопрос о том, была ли подлинная духовная грамота автографом самого Евфросина? По представлению монастырских насельников XIX в., она вполне могла быть собственноручным писанием преподобного и даже почиталось братией как священная реликвия. Благоговейное отношение к древней грамоте в 1858 г. выражал профессор С.-Петербургской духовной Семинарии соборный иеромонах Иосиф: «При гробнице преподобного Евфросина висит за стеклом в раме <...> пергамент в осмушку, с привешенною к нему свинцовою печатью Архиепископа Новгородскаго Феофила. Вот это и есть подлинное “Завещание” преподобного Евфросина, которое вы можете смело поцеловать, как дорогой и даже священный предмет» (Иосиф, иеромонах, 1858. С. 12–13). Действительно, зная о том, что Евфросин был человеком книжным, любителем богословия, автором общежительного Устава, посланий и писем, следует полагать, что и свое духовное завещание на харатье он написал сам, не прибегая к услугам писца. Именно с этим текстом «рукописания» он ездил во Псков для его заверения в канцелярии владычного наместника. Тогда при регистрации этой крепости дьяком была снята точная копия с грамоты и положена в «ларь» при Троицком соборе. Отсюда следует, что подлинная грамота, писанная мелким полууставом, действительно являлась собственноручным творением святого отца.

Чтобы прояснить время написания акта, не имеющего точной датировки, необходимо представить, в каких обстоятельствах он мог быть создан. Ясно, что завещание было составлено на закате земной жизни старца, скончавшегося 15 мая 1481 (6989) г. «на память преподобного отца нашего Пахомия Великаго» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349(1). РУК–229. Житие и Деяния преподобного отца нашего Евфросина Псковскаго чудотворца. Л. 150, 209). Причем Евфросин мог написать его заранее, воспользовавшись удобным для этого случаем, даже за несколько лет до смерти.

Известно, что Евфросин согласовывал с высшей духовной властью текст составленного им впервые Устава Трехсвятительского общежительного монастыря. Об этом сообщается в заголовке рукописи: «По благословению митрополита Феодосия Богоспасаемого града Москве и преосвященного архиепископа Еоуфимия великих градов Новагорода и Пскова <...>» (*Серебрянский*, 2013. С. 434). Хотя, по наблюдению В. Н. Малинина, «заглавие это написано после преп. Евфросина», «как это можно видеть из других списков устава». Тем не менее, на основании упоминания в нем новгородского архиепископа Евфимия, умершего в 1458 г., он датирует устав Евфросина временем его правления, «не позже 1458 года» (*Малинин*, 1901. С. 31. Примечания. С. 3. № 91).

Точно так же и духовное завещание, в котором кратко излагался разработанный Евфросином Устав общежительного монастыря, важно было заверить печатью архиепископа Великого Новгорода и Пскова. Тем самым основные положения иноческого Устава получали санкцию святителя на будущие времена. Для встречи с владыкой подвижнику-аскету ехать самому в Новгород было не нужно. Все духовные грамоты оформлялись и заверялись в Пскове у владычного наместника. Тем более что старец считал неудобным для себя надолго покидать место своего монашеского служения, чтобы не сообщаться с миром. Но воспользоваться возможностью встречи с архиепископом Феофилом во время его приезда во Псков Евфросин мог вполне. Это было необходимо, чтобы получить благословение владыки и узаконить «крѣпость манастирьскому житію и отчинѣ своей».

Во время приездов во Псков новгородских святителей в городе собиралось все духовенство для соборного богослужения в главном храме Святой Троицы. Кроме того, «владычный подъезд» имел целью соблюдение канонического порядка в церкви, а также осуществление архиерейского суда по духовным делам. Но основная задача владычного «подъезда» состояла в собрании оброчных пошлин «с подчиненнаго духовенства». Это была выплата так называемой «поплешной дани», поступавшей от всех священно- и церковнослужителей Псковской земли в Софийскую казну. Новгородские архиереи относились к посещениям Пскова с разной степенью усердия, нередко тяготясь правильным пребыванием в городе в течение целого месяца и раз в четыре года, как того требовала традиция. Зачастую они отслеживали в первую очередь «получение богатого дохода» и ограничивали срок своего визита двумя-тремя неделями или приезжали в неурочное время, чем вызывали негодование псковичей (Подробнее об этих «владычных подъездах» см.: *Никитский*, 1873. С. 224–226).

Но не таков был архиепископ Феофил – последний святитель периода новгородской независимости. Он исправно бывал во Пскове два раза, останавливаясь на положенный срок. Первое посещение его было в декабре 1472 (6981) г. По сказанию летописи: «Тоя же осени приеха во Псков, месяца декабря в 9, владыка Феофил на свои подъезд, и соборовав, и Псков своих детеи благословил; и поехал в Новгород декабря, и проводиша его с честию» (Псковские летописи. Вып. II. С. 192).

По нашему представлению, заверение грамоты Евфросина могло произойти во время второго приезда владыки Феофила в Псков. Наиболее вероятно, что встреча преподобного Евфросина со святителем Феофилом могла состояться в конце декабря 1476 (6985) г. или в начале января 1477 г., когда архиепископ приезжал во Псков на целый месяц. В 3-й Псковской летописи об этом сообщается: «Тоя же зиме <...> приехав владыка Феофил в Дом Святыя Троица, и часы повеле своим мастером самозвонныя поставити на Снетогорском дворе, а тыа часы преже сего сам же владыка своим боярином Овтоманом в Дом Живоначалныя Троица прислал, и они такы стояли просто и до него. Владыка же Феофил съборовав в Святеи Троици, генваря 13, в неделю, и быв во Пскове и благословив своих детеи весь Псков, и поеха с честью и с проводом из Пскова, месяца генваря 21 в понедельник; а был во Пскове весь свои месяц, всю 4 недели; ни за много время ини владыки во Пскове так всего месяца в свои приезд не живали» (Псковские летописи. Вып. II. С. 207).

Таким образом, допустимо предположить, что старец Евфросин заранее составил духовное завещание и при личной встрече с архиепископом Феофилом в Доме Святой Троицы или на подворье получил благословение и заверение своей грамоты. При этом была использована именная печать архиерея, находившаяся у владычного наместника. Предложенная гипотеза позволяет уточнить время создания документа периодом с конца декабря 1476 (6985) г. до 21 января 1477 г. Скорее всего, выехать из Новгорода Феофил мог после великого праздника Рождества Христова 25 декабря. Около трех дней его поезд добирался до Пскова. Соответственно, появиться в городе архиерейский обоз мог в последних числах декабря. О его приближении было заранее известно всем псковичам, которые встречали владыку за городскими стенами на Новгородской дороге и провожали его к Дому Святой Троицы. В такой обрядной встрече непременно участвовало все городское и пригородское духовенство, а также настоятели псковских монастырей, в том числе и Трехсвятительского Елеазаровского. Первым делом по прибытии совершались торжественные архиерейские богослужения в Троицком соборе, и лишь затем спустя несколько дней Феофил переходил к своим делам, связанным со святительским судом, духовным управлением и сбором корма и дани. Именно тогда и было уместно для Евфросина бить челом архиепископу о рассмотрении своего духовного завещания. Отсюда следует, что грамота подавалась для заверения уже в январе, до 21 числа, когда Феофил покинул Псков.

Текстологический анализ списков грамоты

Как отмечал Н. И. Серебрянский, «не только по своему характеру, но и по изложению правила завещания совершенно сходны с правилами устава» преподобного Евфросина (Серебрянский, 2013. С. 259). Как можно было видеть из вышеприведенного обзора литературы, почти все авторы обращали внимание на это подобие в содержании двух источников, созданных одним человеком. Поэтому не станем повторять имеющихся наблюдений, а сосредоточимся на отличительных особенностях различных списков духовного завещания.

При сравнении текстов заметно, что все три списка 1732, 1800 и 1836 гг. довольно схожи между собой, но разнятся отдельными словами и буквами. Поскольку список 1732 г. самый ранний, его можно считать наиболее близким к оригиналу по части буквальной передачи подлинного текста. Однако из-за многочисленных утрат основы недостающие части завешания пришлось восстанавливать по другим позднейшим спискам, сохранившим полный текст. Предпочтение было отдано изданию Археографической комиссии, поскольку копию с древней грамоты в 1830–1834 гг. снимал Я. И. Бередников – известный палеограф, старавшийся передавать особенности написания памятников.

Например, в списках 1732 и 1836 гг. слово «монастырь» в тех случаях, когда оно не сокращено под титлом, пишется через «а». Но в списке 1800 г. оно исправлено на современное написание «монастырь». Также имя «преподобнаго отца Ануфреа» в «консисторском» и «археографическом» списках пишется в народной форме через «а», хотя на Руси оно бытовало и в календарной форме как «Онуфрий». Так, в рукописном Требнике второй половины XVII в. из Древлехранилища Псковского музея есть Месяцеслов, в котором под 12 июня записан день празднования «Пр(е)п(о)д(о)бнаго о(т)ц(а) нашего Онуфрия Великого и Петра Овонскаго» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 54. Батов П. Д., псковский купец-старовер. О. Ф. 30373(20). РУК–71. Л. 269). Таким образом, можно сделать вывод о том, что для святого Евфросина было привычно псковское диалектное «аканье», то есть неразличение *о* и *а* в безударном положении. Между тем в списках 1800 и 1906 гг. эта особенность древней грамоты не учтена, и везде значится имя «Онуфрий» и слово «монастырь».

Список 1800 г. появился при создании рукописного сборника житий псковских святых и воинских повестей. Этот сборник составлялся в местной старообрядческой среде, о чем свидетельствуют различные признаки: традиционное оформление переплета, написание священного имени Иисуса Христа, особое внимание к житию преподобного Евфросина как защитника сугубой аллилуии и другие особенности. Книга писана гражданской скорописью на голубой бумаге ручного дела ярославского производства с водяными знаками «ЯМВСЯ», герб Ярославля (медведь с секирою) и «белой датой»: «1796». Кроме того, использована бумага с филигранью «PRO PATRIA» и «белой датой»: «1807». Сборник составлялся в 1800–1810 гг., о чем свидетельствуют записи в конце отдельных произведений. Причем в некоторых случаях протографами служили другие более ранние копии, находившиеся в распоряжении составителя. Так, в конце «Повести о приходе свейскаго короля Густафа Адольфа ко граду Пскову» на л. 54 отмечено: «Списывано (со списанной прежде 1793 года декабря 28 дня) 1810 года, сентября 1-го дня, в четверток» (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349(1). РУК–229. Л. 54). Таким образом, писец, очевидно, воспользовался своим же списком, исполненным ранее, в 1793 г. Отсюда следует, что он работал в Пскове, собирая тексты древних рукописей и старопечатных книг для копирования и составления сборников по заказу псковских купцов-староверов. Известна и другая рукописная книга того же писца, сберегаемая в Древлехранилище Псковского музея. Это сборник, составленный

в первые годы XIX в., содержащий выписки из Пролога старообрядческого издания. Он также принадлежал псковскому купцу Ивану Михайлову (ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349(2). РУК–232. На 244 листах).

Четвертый список с рукописания Евфросина, изданный в «Псковских епархиальных ведомостях» в сентябре 1906 г. можно признать наименее точным по многочисленным погрешностям в передаче текста (Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского, 1906. С. 406–409). Он был сделан с несохранившейся ныне копии «Завещанного Писания Преподобного Евфросина Псковского Чудотворца», висевшей над его гробницей в монастырской церкви.

Итак, в настоящее время известны четыре списка с подлинного завещания преподобного Евфросина. По своему происхождению их можно условно назвать так:

1) «Консistorский», составленный в 1732 г. в Псковской духовной консистории для тяжбы о церковных вотчинах между архиереем и псковским посадом (Псковский музей. Древлехранилище. Настоящее издание; рис. 1–3).

2) «Старообрядческий», сделанный около 1800 г. при написании сборника житий псковских святых (Псковский музей. Древлехранилище. Настоящее издание; рис. 4–6).

3) «Археографический», выполненный в 1830–1834 гг. Я. И. Березниковым в Елеазаровом монастыре с подлинной харатейной грамоты (Издан в ААЭ, 1836 г.).

4) «Монастырский», списанный «славянским текстом» примерно во второй четверти XIX в. для помещения при гробнице святого Евфросина (Издан в ПЕВ, 1906 г.).

В 2021 г. исполнилось 540 лет со времени преставления преподобного Евфросина Псковского и 544 года с написания его духовного завещания. Трехсвятительский монастырь, созданный им, действует. Память его основателя почитается. Но вопрос о том, насколько соблюдался устав и завет святого старца в позднейшей исторической жизни Елеазаровской обители, может являться предметом отдельного рассмотрения.

Литература и архивные материалы

- ААЭ, 1836 – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академии Наук. Т. 1. 1294–1598. СПб.: В Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии. 548 с.
- Белецкий С. В., 1994. Сфрагистика Пскова XIV–XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 36 с.
- ГАПО – Государственный архив Псковской области. Ф. 340. Спасо-Елеазаровский монастырь. Оп. 3. № 15. Наряд указов Псковской духовной консистории в Спасо-Елеазаров монастырь за 1895 г. январь – 1897 г. декабрь. Л. 29–40.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.

- Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского // ПЕВ. 1906. 1–15 сентября (№ 17). Часть неофициальная. Псковская старина. С. 406–409.
- [Евгений (Болховитинов)], 1818. Словарь исторический о бывших в России писателях Духовнаго чина, Грекороссийския церкви. Ч. I. СПб.: В Тип. Н. Греча. 346 с.
- Евгений (Болховитинов), 1831. История княжества Псковского. Ч. III. Киев: В Тип. Киево-Печерской Лавры. 172 с.
- Житие преподобного Евфросина Псковского / [Подгот. Н. И. Серебрянский] // ПЕВ. 1906. 1–15 августа (№ 15). Часть неофициальная. С. 354–360; 16–31 августа (№ 16). Часть неофициальная. С. 382–389.
- Житие преподобного Серапиона Псковского / [Подгот. Н. И. Серебрянский] // ПЕВ. 1906. 1–31 июля (№ 13–14). Часть неофициальная. С. 323–330.
- Иосиф (Баженев), 1858. Описание Спасо-Елеазаровского монастыря. СПб. 24 с.
- К преобразованию Спасо-Елеазаровой обители // ПЕВ. 1906. 1–15 сентября (№ 17). Часть неофициальная. Епархиальная хроника. С. 425–426.
- Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV – начало XX вв.). Ч. 1 / Сост. Н. П. Осипова. Псков, 1991. 207 с.
- Корогодина М. В., 2018. Устав Евфросина Псковского: к вопросу об источниках // Русская литература. № 4. С. 40–47.
- Круглова Т. В., 1991. Церковь и духовенство в социальной структуре Псковской феодальной республики: дис. ... канд. ист. наук / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М. 260 с.
- Круглова Т. В., 2000. Об устройстве псковских монастырей в XIV–XV веках // Михайловская пушкиниана: сб. ст. науч. сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 12. По материалам конференции «История и традиции псковских монастырей в русской культуре». М. С. 13–15.
- Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б., 2003. Вспомогательные исторические дисциплины. М.: Владос. 365 с.
- Макарий (Булгаков), 1857–1883. История русской церкви. Т. 1–12. СПб.
- Макарий (Булгаков), 1994–1996. История русской церкви. Кн. 1–7 (Т. 1–12). М.
- Макарий (Булгаков), 1996. История русской церкви. Кн. 4, ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 590 с.
- Малинин В. Н., 1901. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры. 1029 с.
- Марасинова Л. М., 1966. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: Московский гос. ун-т. 211 с.
- Миротворцев М. Л., 1860а. Старинные акты Елеазаровскаго монастыря // Псковские губернские ведомости. 9 марта (среда) (№ 10). Часть неофициальная.
- Миротворцев М. Л., 1860б. Спасо-Елеазаровский монастырь // Памятная книжка Псковской губернии на 1860 год. Псков: Тип. Губ. Правл. Отдел историко-статистический. С. 39–40.
- Никитский А. И., 1873. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.: Тип. К. Замысловского. X, 344 с.
- Никодим (архимандрит), 1904. Русские святые и подвижники благочестия, подвизавшиеся и чтимые в пределах Псковской епархии с XII–XIX века (Исторические сведения о церковном их почитании) // ПЕВ. (1 августа (№ XV). Часть неофициальная. С. 351–358.
- Охотникова В. И., 2007. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты: в 2 т. Т. 1. Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонга. СПб.: Дмитрий Буланин. 573 с.

- Охотникова В. И.*, 2007. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты: в 2 т. Т. 2. Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского. СПб.: Дмитрий Буланин. 771 с.
- [*Пантелеимон (Губенко), иеромонах*], 2013. Николай Ильич Серебрянский: краткий биографический очерк // Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле: с критико-библиографическим обзором литературы по истории псковского монашества. Псков: Изд-во Иоанно-Богословского Савво-Крыпецкого мужского монастыря.
- ПЕВ – Псковские епархиальные ведомости.
- Первушин М. В.*, 2008. «Житие Евфросина Псковского»: история текстов, проблема авторства, идейно-содержательная специфика: дис. ... канд. филолог. наук. М.
- ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 54. Батов П. Д., псковский купец-старовер. О. Ф. 30373 (20). РУК-71.
- ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 242. Елеазаров монастырь. О. Ф. 36622. ДОК-21512.
- ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349 (1). РУК-229. Житие и Деяния преподобного отца нашего Евфросина Псковского чудотворца.
- ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349 (2). РУК-232. [Рукописный сборник] На 244 л.
- Плетнев П. А.*, 1854. Яков Иванович Бередников и ученые его труды. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 49 с.
- Порфиридов П. Г.*, 1959. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород. С. 81–91.
- Постников А. Б.*, 2013. Древлехранилище Псковского музея. Обзорные русские рукописных документов XVI–XVIII вв. М.: БуксМАрт. 976 с.
- Постников А. Б.*, 2017. Харатейные грамоты Елеазарова монастыря – новый источник для изучения древнепсковской письменности // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»): в 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков: ЛОГОС. С. 273–287.
- Похищения // ПЕВ. 1905. 15–30 июня (№ 12). Часть официальная. С. 241–244; 15–30 сентября. (№ 18). Часть официальная. С. 431–433; 15–31 декабря (№ 24). Часть официальная. С. 508–509.
- Псковские летописи. Вып. II / Под ред. А. Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 364 с.
- Серебрянский Н. И.*, 2013. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле: с критико-библиографическим обзором литературы по истории псковского монашества. Псков: Изд-во Иоанно-Богословского Савво-Крыпецкого мужского монастыря. 587 с.
- Спасо-Елеазаровский монастырь: материалы к летописи: к 15-летию возрождения монастыря. 2000–2015 гг. СПб.: Нестор-История, 2016. 344 с.
- Черепнин Л. В.*, 1948. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 472 с.
- Янин В. Л.*, 1960. Вислые печати Пскова // Советская археология. № 3. С. 237–261.
- Янин В. Л.*, 1966. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам // Марашинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: Московский гос. ун-т. С. 163–178.

Сокращения

ААЭ – Акты Археографической экспедиции (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук).

ПЕВ – Псковские епархиальные ведомости.

ПИХМЗ – Псковский историко-художественный музей-заповедник.

* * *

Постников Арсений Борисович, *Псков, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Древлехранилище; e-mail: postnikovarsenii@mail.ru*

Рис. 1. Консistorский список 1732 г. с харатейной духовной грамоты преподобного Евфросина. Л. 7.

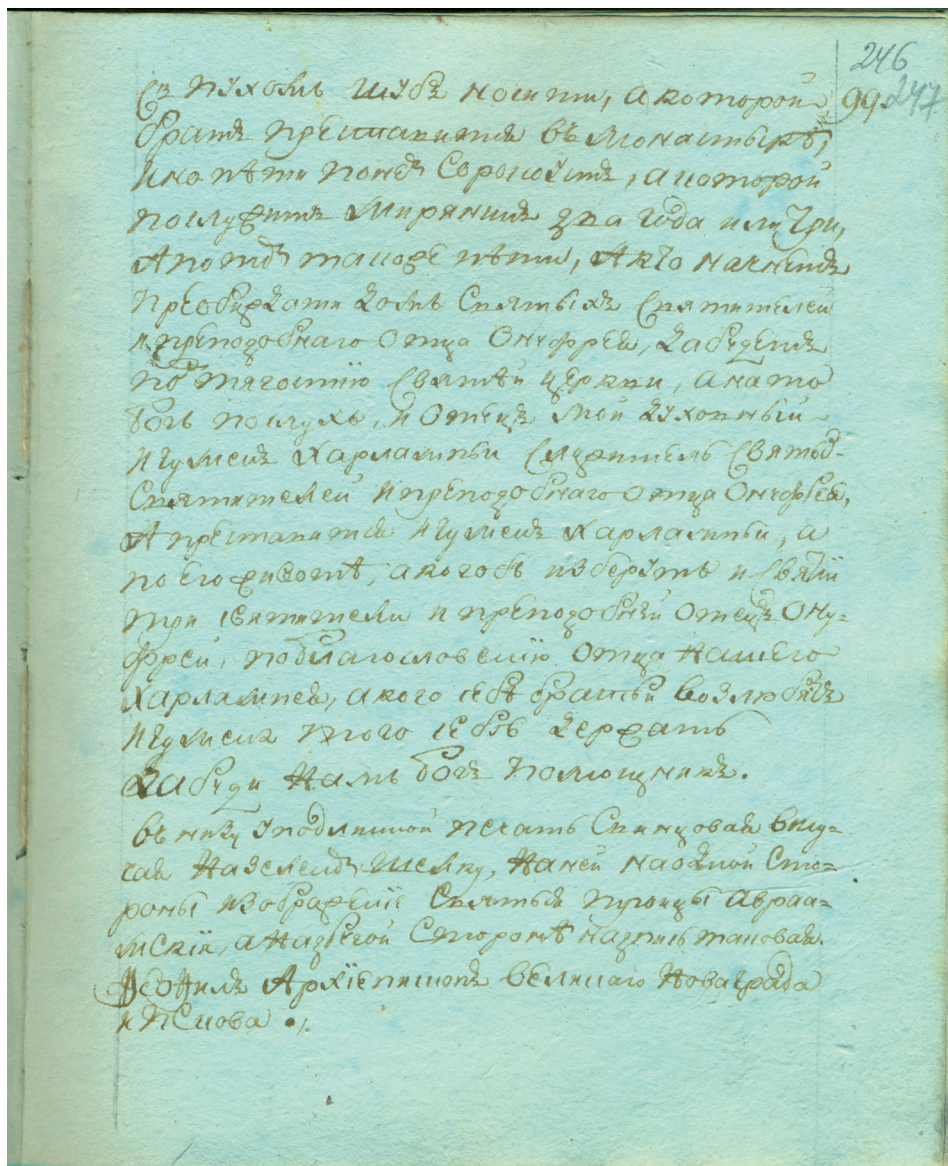

Рис. 6. Старообрядческий список 1800 г.
с Духовной Евфросина Л. 248.